

УДК 821.161.1

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА И Г.Р. Державина: КЛАССИЦИЗМ ИЛИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМ?*О.Б. Кафанова***Аннотация**

В статье рассматривается образ Наполеона в творчестве Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина. Карамзин, посвятивший Наполеону достаточно много публикаций в своём литературно-политическом журнале «Вестник Европы», первоначально интересовался психологическим характером и восхищался разнообразными талантами Бонапарта, в чём проявляется сентименталистское внимание к индивидууму. Он изображает Наполеона как героя сентиментализма с присущей ему чувствительностью и рефлексией. Державин, напротив, ещё задолго до 1812 г. в ряде произведений предрекал падение Наполеона, используя апокалипсическую символику и литературную условность. В годы Отечественной войны Карамзин фактически сближается с Державиным и свою ненависть к узурпатору выражает в стилистике классицизма, наиболее разработанной в то время для воплощения гражданской тематики.

Ключевые слова: Наполеон, сентименталистский герой, гражданская лирика, классицизм.

Н.М. Карамзин обратился к образу Наполеона в период издания «Вестника Европы» (1802–1803). В 48 номерах этого литературно-политического журнала было помещено более 50 статей, заметок и сообщений о Наполеоне апологетического характера. Поначалу Карамзин восхищался миротворческим гением и законодательной политикой молодого политика, видя в нём воплощение античного героя. «Теперь тридцать миллионов повинуются законам и Гению одного человека... и новый Цезарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов», – замечал Карамзин в первом номере «Вестника Европы» в январе 1802 г. (В.О., с. 68).

Выстраивается своеобразная драматургия репрезентации образа Наполеона в «Вестнике Европы». Экспозиция – рассмотрение Наполеона с различных ракурсов, от внешнего и внутреннего портрета до изображения его в действии. При этом общий пафос всех публикаций – восхищение феноменальными способностями этого человека, полководца и государственного деятеля, при некоторой ещё очень незначительной доли скепсиса. Далее чувствуется всё нарастающее напряжение, динамизм новостей, стремительно следующих одна за другой, и вот, наконец, обозначается конфликт – объявление о претензиях Наполеона на вечное консульство.

Образ Наполеона, создаваемый Карамзиным, – одновременно и идеал политического деятеля, пропагандируемый самим издателем, и отображение античного мифа. Однако Наполеону посвящены заметки не только политического

характера. Карамзина привлекала тайна природы любого одарённого человека, прославившегося в той или иной области искусства, науки или государственной деятельности. Основой гениальности он признавал врождённую чувствительность, уже не ассоциировавшуюся только с положительными характеристиками, а означающую особую психофизиологическую организацию, обуславливающую повышенную нервозность и восприимчивость личности. Внимание к особенностям характера, внутреннего мира личности было несомненным признаком сентименталистских установок. Наполеон стал при этом главным сентименталистским героем в материалах журнала. Карамзин приводил большое количество переводных публикаций, описывающих внешность французского консула, его распорядок дня и даже состояние здоровья, к которым он делал сочувственные примечания и комментарии.

Размышляя о ссоре Наполеона с генералом Ланом, Карамзин замечал: «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастья Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти. <...> Бонапартиева жизнь конечно в опасности – не от кинжалов убийцы и заговорщиков, но от чрезмерной деятельности ума его, которая всегда бывает гибельна для нежного сложения; известно, что он слаб здоровьем. <...> Вообразит ли обыкновенный человек, как можно работать головою 18 часов в сутки, и всякий день, как Бонапарте работает? Какое множество идей должно ему соображать, приводить в систему! Какое разнообразие в предметах деятельности!» (И.З., с. 90–91).

Наполеон изображался не только как личность гениальных способностей, но и как человек чувствительный (в смысле «сочувствующий», «тонкой организации», даже «ранимый»). В переводном «Письме из Парижа» сообщалось, что он «сердечно любит детей жены своей» (П.П., с. 172). Карамзин счёл нужным добавить в примечании: «...Герой, узнав о смерти генерала Дезе, воскликнул в самом жару сражения: для чего не позволено мне плакать?» (П.П., с. 172). В «Письме о Консуле Бонапарте» давался и весьма привлекательный словесный портрет Наполеона: «Всякой портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приёме и в обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французом» (П.К.Б., с. 343–344).

Поскольку во Франции одно значительное событие стремительно следовало за другим, Наполеон начал удивлять мир не только как полководец, но и как государственный деятель. С марта по апрель количество публикаций об этих делах в журнале достигает наивысшей концентрации. Подробно излагаются меры, предлагаемые консулом для борьбы с бедностью во Франции, осмыслиется значимость восстановления в государстве религии, описываются реформы в образовании. В деяниях Наполеона просматривается, с точки зрения Карамзина, если и не возвышение над личным во имя общественного, то по крайней мере их равновесие.

В изображении Карамзина окружение первого консула – этого гениального, благородного и чувствительного героя – явно не «дотягивало» до альтруизма.

Прозорливо предвидя будущее предательство ближайших министров Наполеона, Карамзин публикует разоблачительные материалы о Фуше и Талейране (П.П., с. 175–177). В статье «Известия и замечания», представляющей контаминацию сообщений из периодических изданий и комментариев к ним, он замечает: «Великим людям надобно быть весьма осторожными, чтобы *малые* люди не обманывали их. Какой-нибудь Фуше не думает жить для Истории и добродетели: он может иметь низкие и подлые страсти; Консулу не надлежало бы иметь доверенности к таким министрам» (И.З. 2, с. 90).

Вместе с тем отмечается то, что более всего ценили демократически настроенные умы – выдвижение и продвижение по службе людей талантливых, независимо от их происхождения: «Бонапарте... не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их, и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу, иногда республиканца роялисту» (П.П. 2, с. 76). Впоследствии Оноре де Бальзак, вслед за Стендалем, будет считать выдвижение людей не по знатности и богатству, а по личным заслугам одним из высших проявлений мудрости Наполеона.

Обилие сочувственных и даже восторженных публикаций о Наполеоне в «Вестнике Европы» дало основание Ю.М. Лотману назвать его «откровенно бонапартистским» органом [1, с. 282]. Однако можно поспорить с авторитетным учёным: ситуация во Франции стремительно менялась, что прямо отражалось на карамзинских коннотациях образа Наполеона. Когда, казалось бы, удивление гением этого человека достигло своего апогея, неожиданно последовало острое разочарование в его властолюбии. Наполеон не выдержал испытания на соответствие герою сентиментализма, главными чертами которого были не только чувствительность, но и способность к саморефлексии.

Г.Р. Державин был едва ли не единственным среди современных ему русских поэтов, кто ещё задолго до отечественной войны предрекал падение Наполеона. Об этом он писал в ряде стихотворений: «Фонарь» (1804), «Монумент милосердию» (1805), «Персей и Андромеда» (1807), «Похвала Комару» (1807), «Слава» (1810). Когда Наполеон вторгся в Россию, Державин написал «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества», где изобразил нашествие Наполеона как появление библейского Люцифера – зверя из бездны. Произведение перенасыщено архаической лексикой и аллегорической условностью. Державину «чуть ли не красками дантовского “Ада” удалось нарисовать чудовищную картину явления в мир дьявола» [2, с. 297]:

Открылась тайн священных дверь!
Исшёл из бездн огромный зверь,
Дракон, иль демон змеевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетя вкруг всю ошибками сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны.
Бегут все смертные смятенны

От князя тьмы и крокодильных стад.
Они режут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиранный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один, –
Исчез змей-исполин! (Г., с. 138–139).

Это самое большое из стихотворений Г.Р. Державина состоит из 646 стихов. Оно было чуть ли не «заказано» самим фельдмаршалом Кутузовым [3, с. 42]. А в полном названии этого гимна содержатся все мифопоэтические метафоры, разворачивающиеся в произведении: «Посвящён во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». Своеобразным «прологом» к лиро-эпическому гимну Державина стало его стихотворение «На парение орла». В 1812 г. оно вышло отдельным изданием, получив название «Ода по случаю парения орла над российской армией под предводительством князя Кутузова, при селе Бородине, 1812 года в августе». В ней Державин прибегает к апокалипсической символике, но использует её в качестве литературной условности:

Ты шёл, – и пройдёшь чрез ехидны, –
Овном сбодется лютый зверь.
Нога наступит АЛЕКСАНДРА
На жруща пламем Саламандра
Стратиг ты молнии Михаил! (О.).

Подобная двойственность образной системы свойственна и «Гимну лиро-эпическому...». У современников державинский «Гимн» вызвал критику, хотя М.И. Кутузов за две недели до своей кончины поблагодарил поэта (С.Д., с. 504). Но на фоне успеха «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского произведение Державина воспринималось как «чудовищный литературный провал» [4, с. 156]. Такой оценке способствовали архаичность литературной формы, абстрактность образов, недостаток непосредственной эмоциональности.

Тем не менее «Гимн» Державина был его единственным законченным произведением, которое он хотя бы отчасти отнёс к эпическому жанру. Поэт излагает в нём причины и ход Отечественной войны, то есть описывает действие, но при этом выражает чувства по поводу отдельных эпизодов и извлекает моральный урок из этого события в целом. Таким образом, налицо все основные жанровые признаки эпоса. Пожалуй, Державин был одним из первых авторов, который избрал эпическое повествование для изображения современного события. Он говорил как бы от лица всего народа и подчёркивал народный характер войны против Наполеона, и способствовал ему в этом высокий стиль классицизма.

Н.М. Карамзин с самого начала войны 1812 г. увидел в Бонапарте «узурпатора», а затем откликнулся громоздкими и высокопарными стихами, прославляющими Александра I, русскую армию и проклинающими французского врага. В 1814 г. он создаёт оду «Освобождение Европы и слава Александра I», в которой, по сути, употребляет все стилистические приёмы классицизма. Он прибегает к архаической лексике, от употребления которой как критик постоянно предостерегал своих современников; использует гиперболу в изображении «адской державы» Наполеона, «злодея» и «сына хитрой лжи», идеализирует русских

и русскую армию. При этом, словно забыв о своём былом восхищении французским героем, он и его прошлые подвиги подаёт в негативном ключе:

Конец победам! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сражён, сражён Наполеон!
Народы и цари! ликуйте:
Воскрес порядок и Закон.
Свободу мира торжествуйте!
Есть правды бог: тирана нет!
Преходит тьма, но вечен свет.
Сокрылось ноши привиденье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се глас Природы и творца:
«Уставов я не пременяю:
Не будут камнями сердца,
Безумства в ум не обращаю.
Злодей торжествовал, где он?
Исчез, как безобразный сон!»

<...>

Умолкло горести роптанье.
Минувших зол воспоминанье
Уже есть благо для сердец. –
Из рук отчаянной Свободы
Прияв властительский венец
С обетом умирить народы
И воцарить с собой Закон,
Сын хитрой лжи, Наполеон,
Призрак величия, героя,
Под лаврами дух низкий кроя,
Воссел на трон – людей карать
И землю претворять в могилу,
Слезами, кровью утучнять,
В закон одну поставить силу,
Не славой, клятвою побед
Наполнить утращённый свет (О.Е., с. 300–301).

Н.М. Карамзин не просто отказывается от диалектического взгляда на своего недавнего кумира. Разделяя повсеместную ненависть русского общества к Наполеону, он следует общепринятым традициям гражданской лирики классицизма:

... Упали царства, троны.
Его ужасны легионы
Как огонь и бурный дух текли
Под громом смерти, разрушенья,
Сквозь дым пылающей земли;
А он с улыбкой наслажденья,
Сидя на груде мёртвых тел,
Страдание и гибель зрел (О.Е., с. 300–301)

В это время ещё не было разработано другого, более естественного языка для прославления героев отечественной истории. Только те поэты, которые в составе русской армии сами принимали участие в военных действиях, первыми, но значительно позже нашли новые приёмы изображения войны.

Ссылка Наполеона и его скоропостижная смерть вновь возбудили в Карамзине интерес к нему как человеку. Поэтому он неоднократно обращался к П.А. Вяземскому с предложением написать Наполеону эпитафию с целью отыскания истины, ещё не вполне понятной современникам. Писатель и историк, он стоял у истоков мифологизации образа Наполеона в русской литературе, а затем одновременно способствовал разрушению этого мифа. Устойчивый интерес к внутреннему миру личности, взгляд на человека как на диалектическое единство добра и зла, чувствительности и холодности, свойственный сентименталистской парадигме, позволил Карамзину на протяжении всей жизни интересоваться Наполеоном и запечатлеть в художественной форме всю сложность этого характера. Державин был более однозначным в оценке французского императора, в котором он видел врага России. Такая концепция соответствовала классицистическому и рационалистическому взгляду на человека, но вместе с тем вполне отвечала историческому моменту и выражала народный взгляд на Наполеона.

Summary

O.B. Kafanova. The Image of Napoleon as Interpreted by N.M. Karamzin and G.R. Derzhavin: Classicism or Sentimentalism?

The paper considers the image of Napoleon in N.M. Karamzin and G.R. Derzhavin's works. N.M. Karamzin, who dedicated a sufficient number of publications to Napoleon in his literary and political journal "The Messenger of Europe" (1802 – 1803), was interested in the psychological nature of Bonaparte and admired his various talents, thereby showing a sentimentalist attitude towards the individual personality. N.M. Karamzin depicted Napoleon as a sentimentalist character with pathos and reflection. On the contrary, G.R. Derzhavin foretold the collapse of Napoleon in some of his works long before 1812, using apocalyptic symbols and literary conventionality. During the Patriotic War, N.M. Karamzin became virtually closer to G.R. Derzhavin and expressed his hatred towards the usurper through the stylistics of classicism, mostly elaborated at those times, in order to embody the civil topics.

Keywords: Napoleon, sentimentalist character, civil lyric poetry, classicism.

Источники

- В.О. – Всеобщее обозрение // Вестн. Европы. – 1802. – № 1. – С. 66–84.
И.З. – Известия и замечания // Вестн. Европы. – 1802. – № 2. – С. 86–95.
П.П. – Письмо из Парижа // Вестн. Европы. – 1802. – № 10. – С. 171–177.
П.К.Б. – Письмо о Консуле Бонапарте // Вестн. Европы. – 1802. – № 8. – С. 343–345.
И.З. 2 – Известия и замечания // Вестн. Европы. – 1802. – № 5. – С. 84–93.
П.П. 2 – *Краммер*. Письмо из Парижа // Вестн. Европы. – 1802. – № 9. – С. 65–77.
Г. – *Державин Г.Р.* Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества // Державин Г.Р. Соч.: в V ч. – СПб., 1816. – Ч. V. – С. 115–146.

- О. – *Державин Г.Р.* Ода по случаю парения орла над российской армией под предводительством князя Кутузова, при селе Бородине, 1812 года в августе // Державин Г.Р. Соч.: в V ч. – СПб., 1816. – Ч. V. – С. 113–114.
- С.Д. – *Кутузов М.И.* Сборник документов: в V т. – М.: Воениздат, 1956. – Т. V. – 876 с.
- О.Е. – *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1966. – С. 300–311.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
2. *Доманский В.А.* Изображение Отечественной войны 1812 года в русской поэзии: От высокой архаики к романтизму // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. – СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. – С. 290–307.
3. *Коровин В.Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2012. – № 6. – С. 42–52.
4. *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». – СПб.: Наука, 1994. – 240 с.

Поступила в редакцию
19.11.14

Кафанова Ольга Бодовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: olg_kaf@mail.ru